

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

О. А. Бенедская*

Третейское разбирательство и нормоконтроль

Аннотация. Статья посвящена анализу третейского разбирательства в аспекте его участия в реализации функции судебного нормоконтроля. Исходя из представления о всеобщем характере конституционного императива верховенства права и Конституции РФ и понимания триединой сущности третейского суда, сочетающего общественно-юрисдикционные, саморегулятивные (правообразующие) и медиативные (примирительные) начала, обосновывается связанность третейского суда требованием законности и необходимостью осуществления казуального нормоконтроля в соответствии со сложившимися коллизионными правилами. При этом законный характер третейского разбирательства должен, по мнению автора, раскрываться не в формально-догматическом ключе, через подчинение столь же строгим, как в государственном суде, требованиям правовой дисциплины, а на основе ориентации на судебный активизм и развитие права в контексте реалий общественно-деловой практики. Третейский суд может действовать *contra legem* в целях повышения уровня защиты прав участников разбирательства с опорой на общие, конституционные и отраслевые принципы права. Сталкиваясь же с подлежащей применению нормой, нарушающей Конституцию РФ, третейский суд должен обладать правом запроса в Конституционный Суд РФ (в том числе в виде обязанности запроса, если решение третейского суда окончательно).

Ключевые слова: третейский суд, правосудие, законность, конституционность, толкование, правообразование, обычаи, традиции, нормоконтроль, конституционная юстиция, судебный конституционализм.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.070-079

Основанное на приверженности фундаментальным целям и принципам правосудия третейское разбирательство связано подчинением верховенству права и Конституции РФ, следование которым служит не только императивом для третейского суда как субъекта конституционного правопорядка, но

и необходимым условием поддержания доверия к нему со стороны всех участников правоотношений. Как это вытекает из решений Конституционного Суда РФ, обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы, установленная ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, не только адресована всем органам публичной власти и должностным

© Бенедская О. А., 2019

* Бенедская Ольга Александровна, адвокат, советник коллегии «Муранов, Черняков и партнеры», докладчик МКАС и МАК при ТПП РФ
o.benedskaya@rospravo.ru
105005, Россия, г. Москва, Денисовский пер., д. 23, стр. 6

лицам, но и в полной мере распространяется на общественные и некоммерческие организации, объединения граждан, т.е. является всеобщей и универсальной¹. Следовательно, организация и деятельность третейских судов должны носить законный характер и отвечать требованиям, вытекающим из Конституции РФ, поскольку справедливость и беспристрастность присущи любому судебному разбирательству².

Вместе с тем третейский суд как институт гражданского общества, наделенный публично значимыми юрисдикционными функциями, непосредственно вовлечен в осуществление правоприменительной деятельности. Это предполагает при решении относящихся к его компетенции вопросов выбор норм, подлежащих применению с учетом обстоятельств конкретного дела, в соответствии со свойственными российской правовой системе требованиями нормативной иерархии и коллизионными правилами. Очевидно при этом, что не только для государственного судьи, но и в не меньшей степени для судьи третейского, чей авторитет основан на соответствии правомерным ожиданиям участников правоотношений возможностей вынесения наиболее оптимально согласованного по интересам решения, ориентированного на конструктивное дальнейшее сотрудничество сторон, является верным утверждение о том, что судья как субъект правоприменения, выступая гарантом обеспечения верховенства права, не ограничивается применением конкретных правовых норм в соответствии с законодательством, соблюдая требования законности, но вместе с тем проверяет меру сбалансированности закрепленных

прав, обязанностей, ответственности, функций, компетенции, процессов, интересов личности, общества, государства, тем самым создавая условия для принятия справедливого судебного акта³.

Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁴, признавая правомочность сторон по своему усмотрению договориться о процедуре арбитража (ч. 1 ст. 19) и предусматривая принятие третейским судом решения в соответствии с условиями договора и с учетом применимых обычаев (ч. 2 ст. 31), исходит из того, что третейский суд разрешает спор по общему правилу в соответствии с нормами российского права, если стороны, в соответствии с российским правом, не избрали к своим правоотношениям в качестве применимого иностранное право (ч. 1 ст. 31), а условием принудительного исполнения решения третейского суда является его соответствие публичному порядку Российской Федерации (ст. 42 названного Федерального закона, п. 2 ч. 4 ст. 426 ГПК РФ). Это предполагает, что решение третейского суда должно отвечать принципу законности⁵, который, будучи сущностной чертой любой справедливой судебно-юрисдикционной процедуры, в третейском разбирательстве означает, в частности, что нарушение решением третейского суда основополагающих принципов российского права или вынесение им решения по спору, который в соответствии с федеральным законом не может быть предметом третейского разбирательства, является основанием для отмены (отказа в исполнении) такого решения компетентным

¹ См.: постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Абз. 4 п. 2 мотивиров. части // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389 ; определение КС РФ от 5 февраля 2009 г. № 247-О-О. Абз. 1 п. 2 мотивиров. части // Вестник КС РФ. 2009. № 5 ; определение КС РФ от 26 января 2010 г. № 155-О-О. Абз. 2 п. 2 мотивиров. части.

² См.: постановление КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П. Абз. 11 п. 2 мотивиров. части // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

³ Орлова К. А. Теоретико-правовые аспекты статуса судьи как субъекта права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2017. С. 9.

⁴ СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

⁵ См.: определение КС РФ от 4 октября 2012 г. № 1831-О. Абз. 2 п. 4 мотивиров. части // Вестник КС РФ. 2013. № 2 ; определение КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О. Абз. 1 п. 3.2 мотивиров. части // СПС «КонсультантПлюс» ; определение КС РФ от 24 ноября 2016 г. № 2479-О. Абз. 4 п. 2 мотивиров. части // СПС «КонсультантПлюс» .

⁶ См.: постановление КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П. Абз. 2 п. 3.1 мотивиров. части // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.

судом *ex officio*⁶. То обстоятельство, что в отличие от прежнего правового регулирования, установленного Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации»⁷ (ст. 18), вновь принятый Федеральный «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» прямо не упоминает законность в числе принципов арбитража (ст. 18), не может рассматриваться как переоценка законодателем данного принципа в сторону снижения его роли в системе ценностно-нормативных основ третейского разбирательства. Напротив, это может свидетельствовать, с одной стороны, о признании нерядоположенности принципа законности в соотношении с другими принципами арбитража, поскольку законность находит свое выражение в каждой норме права, в каждом его институте, в праве в целом⁸. А с другой стороны, состоявшееся изменение призвано более рельефно отразить объективную специфику третейского разбирательства, в рамках которого принцип законности, сохраняя безусловное значение, проявляется вместе с тем не столько в формально-догматическом плане, а скорее с ориентацией на активное выявление, выражение и использование в качестве критериальной основы для принятия юрисдикционного акта так называемой естественно-социальной нормативности, характеризующей в данном случае объективные реалии первичного правопорядка в виде обычной (традиционной) практики делового оборота — разумеется, в той мере и постольку, в какой и постольку соответствующая нормативность укладывается в фундаментальные принципы российского правопорядка.

Речь идет, по существу, о категории правовой законности, посредством которой формальная общеобязательность юридического требования (акта) становится релевантным средством

закрепления и утверждения для естественно сложившегося понимания меры экономической свободы и ответственности. Но даже если имеет место ошибка состава арбитража в применении нормы права, то это не является основанием для отмены арбитражного решения (в отличие от системы государственных судов), поскольку и сами арбитры, не будучи профессиональными судьями, традиционно в большей степени погружены в знания и опыт торговых (деловых) обычаев.

Является опрометчивым, во многом рудиментарным стремление экстраполировать на сферу третейского разбирательства столь же жесткие требования формально-правовой дисциплины, какие присущи государственным судам, с возложением на третейский суд обязанностей «строго и точно применять закон как в сфере материального, так и процессуального права»⁹, обеспечивать «единообразное понимание и применение закона»¹⁰. Нельзя не учитывать, что третейское разбирательство, проистекающее из сферы гражданско-правовой автономии, самоорганизации, диспозитивности, объективно сопряжено с повышенной ролью в нем судейского (арбитражного) активизма, под которым в данном случае понимается ориентация на творческий поиск — в пределах, не выходящих за рамки основ публичного правопорядка, — правовых моделей индивидуального урегулирования, согласования коллизионных интересов. Это характеризует третейское разбирательство с позиции его вовлечения в сложный, свойственный координационным отношениям гражданского общежития механизм правообразования, обусловленный в том числе целями повышения экономической эффективности¹¹, а также с точки зрения присутствия в этих юрисдикционных отношениях существенной

⁷ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2015 г.) «О третейских судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

⁸ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. С. 165.

⁹ См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 мая 2018 г. № Ф05-5926/2018 по делу № А40-201366/2017.

¹⁰ См., например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 декабря 2014 г. № Ф04-12212/2014 по делу № А45-17098/2014.

¹¹ См. об этом: Ясус М. В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1.

доли медиативных (примирительных) начал. Как верно замечено, альтернативные форм защиты прав, в отличие от государственных юрисдикционных форм деятельности, направлены на сохранение и продолжение отношений между сторонами, что предполагает более высокий уровень их сотрудничества и взаимодействия друг с другом и с судом¹².

В связи с этим требование законного характера третейского разбирательства, как это подтверждается и практикой конституционного правосудия, не может рассматриваться в плане создания предпосылок для наделения — без ущерба для воспринятого национальной правовой системой существа, предназначения третейской процедуры — государственных судов полномочиями по проверке законности и обоснованности решений третейских судов, которая предполагает выявление правильности толкования и применения третейским судом норм права и установление фактических обстоятельств конкретного дела, чем, впрочем, не затрагивается обязанность суда не дать поддержку такому решению третейского суда, которое по своей сути или правовым последствиям противоречит публичному порядку Российской Федерации¹³.

Вместе с тем третейское разбирательство призвано обеспечивать защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений на уровне не ниже, чем это предусмотрено действующим законодательством, что в равной мере относится и к процедурно-процессуальным основам третейского разбирательства, и к материально-правовой, содержательной стороне его осуществления. Третейская процедура в своих итоговых индивидуально-регулятивных юрисдикционных проявлениях не может порождать ограничений, обременений и иных стеснений экономической свободы сверх тех, которые прямо закреплены законом. В своем интерпретационном познании и развитии действующего правового регулирования в контексте складывающейся практики делового оборота третейский суд не может безос-

новательно выходить за логико-семантические пределы толкования нормы, вне рамок которых по существу отвергается конкретное законоположение. Но это не означает, что третейский суд лишен возможности толкования *contra legem*. Другое дело, что само по себе такое толкование не может носить произвольно-усмотренческий характер. Хотя известна позиция о том, что допустить свободу судейского усмотрения *contra legem* — значило бы в корне подрвать силу законодательства¹⁴; нельзя упускать из виду, что толкование против закона не подразумевает толкование против законодательства, а речь идет о выявлении нормативного содержания подлежащего применению законоположения в системе правового регулирования и практики правоприменения и правопользования, сообразно с общими и отраслевыми принципами права и с учетом возможного обращения к средствам правовой аналогии. Будет уместным упомянуть о том, что полномочие судей развивать право на практике в условиях современного конституционализма получает в том числе официально-легальное закрепление. К примеру, в правовой системе ФРГ признается допустимым в рамках объективно-телеологического толкования придание нормам закона смысла, совместимого с позицией, формируемой судебной практикой; в этом случае суд оценивает, какое значение законодатель придал бы своим нормам и какие задачи он ставил бы перед правом, если бы принимал закон с учетом современных реалий¹⁵. В условиях третейского разбирательства, наиболее приближенного к общественно-деловой практике, роль объективно-телеологического, активистского толкования закона, в целом ориентация на развитие правового регулирования объективно возрастает.

Соответственно, юрисдикционно-интерпретационное усмотрение третейского суда не может ограничиваться до степени, исключающей его возможность дать эволюционное толкование нормы, в том числе отступив от ее букваль-

¹² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011. С. 378.

¹³ См.: определение КС РФ от 23 ноября 2017 г. № 2678-О. Абз. 2 п. 3.2 мотивиров. части // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 93, 95, 97.

¹⁵ Миряшева Е. В., Павликов С. Г., Сафонов В. Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность : монография. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. С. 284.

ного смысла, если третейский суд исходит из того, что интересы участников правоотношений могут получить более высокий уровень защиты в свете объективно сложившегося нормативного контекста, в том числе в его восприятии современной правовой доктриной. Это соотносится с принципом связанности третейского суда приоритетом прав человека, которые в условиях гражданского общежития могут получать консенсуальное понимание, так что участники правоотношений добровольно признают в качестве обязательного для себя определенный стандарт обращения независимо от его подкрепления мерами государственно-правового опосредования и принуждения. При этом в любом случае речь идет главным образом о категориях третейских дел, которые не являются простыми, а по характеру, коллизионному соотношению интересов, используемым правовым средствам правового регулирования предполагают возможность вариативного набора решений, каждое из которых имеет под собой определенное юридико-социальное основание.

Статус третейского суда как общественно-юрисдикционного органа, призванного обеспечивать негосударственную защиту прав и законных интересов участников правоотношений, прежде всего социально-экономического характера, предполагает вместе с тем, что третейский суд, действуя в рамках минимального стандарта судебной защиты, свойственного любой судебной-юрисдикционной процедуре, должен, несмотря на признаваемое за ним право на ошибку, исходить из необходимости оценки подлежащих применению нормативных положений в их соотношении с правовыми актами большей юридической силы, т.е., иными словами, осуществлять казуальный нормоконтроль. Судебный контроль в сфере нормотворчества является одним из важных элементов системы судебной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций¹⁶. И нет оснований полагать, что специфика третейского

разбирательства влияет на необходимость установления каких-либо изъятий в отношении распространения на третейский суд вытекающей из ч. 2 ст. 120 Конституции РФ в ее интерпретации Конституционным Судом РФ обязанности суда при разрешении любого конкретного дела осуществить правовую оценку подлежащих применению нормативных правовых актов в их иерархии и в случае их противоречия принять решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими большую юридическую силу¹⁷. Соблюдение этого конституционного предписания в отношении третейского суда обеспечивается прежде всего репутационными факторами, связанными с возможной утратой доверия сторон и третьих лиц к деятельности арбитров, пренебрегающих требованиями закона, но может получать подкрепление и в официально-государственной форме судебного акта, которым конкретное отступление от требований иерархии правовых норм признано нарушающим основы публичного правопорядка.

Понимание соотношения в юридической природе третейского суда частных и публичных начал, сам характер осуществляемой им юрисдикционной деятельности как содержательно родственной правосудию, предполагает необходимость уяснения того обстоятельства, что в современных условиях третейский суд безусловно является одним из существенных элементов системы судебного конституционализма, который определяется как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов развития России¹⁸. Конституция РФ исходит из того, что в силу верховенства и прямого действия Конституции РФ и универсальности императива соблюдения Конституции РФ и законов (ч. 1 и 2 ст. 15) контроль конституционно-

¹⁶ Никитин С. В. Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2018. С. 4.

¹⁷ См.: постановление КС РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П. Абз. 2 п. 2 мотивиров. части // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7912 ; определение КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 1783. Абз. 4 п. 2 мотивиров. части // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2015. С. 21.

сти при применении норм права носит всеобщее распределенный характер и, во всяком случае, ложится на всех субъектов, которые участвуют в осуществлении публичных функций и задач и вовлечены в реализацию правоприменительной деятельности, не исключая и третейские суды¹⁹. При этом единственным субъектом, уполномоченным окончательно решать вопрос о конституционности законов и иных правовых актов, перечисленных в ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, их действительности в правовой системе, является Конституционный Суд РФ.

Логика ст. 125 Конституции РФ, определяющей основы конституционного правосудия и прямо относящей судебные органы к субъектам конкретного конституционного контроля, который осуществляется в связи с нарушением прав вследствие применения закона в конкретном деле, сводится к тому, что выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом РФ, а с другой — обязанность Конституционного Суда РФ окончательно разрешить этот вопрос²⁰. Рассмотрение дел по запросам судов является в зарубежной практике конституционно-судебного контроля одним из самых

распространенных видов индивидуального доступа, а его эффективность в том, что обычные суды хорошо осведомлены и могут составить обоснованный запрос²¹.

Несмотря на то что развитие практики конституционного правосудия в целом свидетельствует о стремлении Конституционного Суда РФ расширительно толковать нормы, определяющие круг субъектов конституционного обращения²², — в полном соответствии с представлением о предназначении конституционного правосудия как важнейшего института защиты прав и свобод человека и гражданина и во многом уникального органа, действующего на началах принципа «компетенции компетенции» (т.е. правомочного окончательно решать вопросы об основаниях и пределах собственных полномочий), — Конституционный Суд РФ исходит из того, что третейский суд, не подпадая под термин «суд» в его смысловом значении, использованном в ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, не обладает правом конституционного запроса.

Рассматривая обращение одного из третейских судов, сославшегося при этом на нормы ст. 101 «Обращение в Конституционный Суд Российской Федерации» гл. XIII «Рассмотрение дел о конституционности законов по запросам судов» ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что в силу положений ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и п. 3 ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» в их взаимосвязи с ч. 3 ст. 118 Конституции РФ Конституционный Суд РФ проверяет конституционность закона по запросам

¹⁹ Следует оговориться, что казуальный (косвенный) нормоконтроль не совпадает полностью с выбором правовых норм, подлежащих применению в конкретном деле (правовой квалификацией); речь идет не столько о правильном выборе правовой нормы, сколько о целенаправленной проверке судом законности нормативного предписания, в результате которой суд может признать данное нормативное предписание незаконным и отказаться от его применения. См.: *Никитин С. В.* Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 90.

²⁰ См.: постановление КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П. Абз. 2 п. 3.1 мотивиров. части // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

²¹ Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию / Венецианская комиссия. Венеция, 2010. С. 18. URL: concourt.am/armenian/news/doc/CDL-AD-2010-039-ru.pdf (дата обращения: 31.05.2018).

²² Так, именно на основе практики конституционного правосудия признана конституционно-процессуальная правосубъектность хозяйственных обществ и государственных унитарных предприятий (постановления КС РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П, от 12 октября 1998 г. № 24-П), бюджетных учреждений (постановление КС РФ от 22 июня 2009 г. № 10-П), муниципальных образований (постановление КС РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П).

судов, входящих в судебную систему, которая устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом; поскольку ни Конституция РФ, ни закон не относят третейские суды к судебной системе, обращение третейского суда в Конституционный Суд РФ не может быть признано допустимым как исходящее от ненадлежащего заявителя²³. В другом решении Конституционный Суд РФ не счел возможным признать допустимым обращение некоммерческой организации «Союз учредителей третейских судов» в защиту прав третейских судов, установив, что членами Союза являются не сами третейские суды, а их учредители — юридические лица (в том числе ООО «Расчетно-кассовый центр третейского суда», ООО «Третейское казначейство» и ООО «Строй-Потенциал»), а приложенными к жалобе материалами не подтверждается применение оспариваемых законоположений в конкретном деле с участием самого заявителя²⁴.

В доктрине уже отмечалось, что такая формальная позиция значительно проигрывает по сравнению с подходом конституционных судов некоторых других стран. К примеру, решением Конституционного Суда Италии от 22 ноября 2001 г. № 376 установлено право третейского суда, когда его решение имеет обязательную силу, на конституционное обращение: то, что действительно имеет значение, констатировал Конституционный Суд, — это эффективная система отправления правосудия, вне зависимости от того, ставится ли тот или иной вопрос национальным судом или иным органом, разрешающим споры²⁵.

Рассматривая вопрос о необходимости и возможности наделения третейских судов правом на конституционное обращение (запрос), нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что конституционное правосудие является субсидиарным (резервным) институтом защиты прав, а стороны третейского разбирательства как непосредственные носители спорных ма-

териальных или процессуальных интересов в принципе не лишены прямого доступа к конституционному правосудию по итогам решения государственным судом вопроса о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Поэтому право третейского суда на конституционный запрос нуждается в дополнительном обосновании, в частности, с учетом следующих основных моментов.

Во-первых, существо, предназначение института конституционно-судебного запроса определяет его двуединые характеристики в качестве: а) одной из процессуальных форм взаимодействия различных юрисдикций для решения судопроизводственных (процедурно-процессуальных) вопросов; б) своего рода опосредованной конституционной жалобы, косвенной формы ее реализации по инициативе стороны юрисдикционного разбирательства или самого суда²⁶. В этом плане нужно подчеркнуть, что третейский суд, призванный отправлять юрисдикцию на началах правосудия, отвечающего требованиям справедливости, должен в силу своих функций и презюмируемого публичного авторитета обладать необходимыми и достаточными полномочиями по самостоятельному разрешению третейского спора на основе убежденности в том, что подлежащие применению нормы права соответствуют Конституции РФ, и, напротив, не воздерживаться от реагирования на возникшие сомнения в том, что подлежащая применению норма как конституционно-дефектная, по мнению третейского суда, нуждается в специальной конституционно-судебной оценке. Иными словами, урегулирование права третейского суда на конституционный запрос сопряжено с пониманием диалектики публичных и частных начал в самом третейском производстве, которое, с одной стороны, соотносится с общими публично значимыми целями правосудия, стоящими перед судебной системой, а с другой — должно обеспечивать полноценную

²³ Определение КС РФ от 13 апреля 2000 г. № 45-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение КС РФ от 5 февраля 2015 г. № 234-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ *Балеевских Л. С.* Третейский суд как заявитель в Конституционном Суде России // Третейский суд. 2014. № 6. С. 123—124.

²⁶ См.: мнение судьи КС РФ Н. С. Бондаря по постановлению КС РФ от 19 февраля 2018 г. № 9-П. П. 2 // URL: <http://doc.kstrf.ru/decision/KSRFDecision316370.pdf> (дата обращения: 31.05.2018).

защиту конституционных прав участников третейского спора.

Во-вторых, представляется неконструктивной, снижающей ценность и эффективность третейской процедуры (при одновременном увеличении издержек сторон) отсрочка решения вопроса о конституционности нормы, на основании которой решается третейский спор, на период после рассмотрения вопроса о принудительном исполнении решения третейского суда государственным судом. Юрисдикционные отношения, складывающиеся в ходе третейского разбирательства и в рамках государственного судопроизводства, являются в принципиальном плане сходными, однородными, и потому с позиции конституционного равноправия различия в фундаментальных гарантиях, предоставляемых сторонам процесса в соответствующих процедурах, не могут считаться оправданными, а именно такой, фундаментальный обеспечительно-гарантийный характер носит право конституционного запроса.

В-третьих, Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» допускает возможность сторон по своему прямому соглашению предусмотреть, что арбитражное решение является для сторон окончательным и, соответственно, не подлежит отмене (ст. 40). Тем самым не исключаются ситуации, когда постановка вопроса о конституционности норм, на основании которых был решен третейский спор, оказывается для сторон невозможной, а сам третейский суд, осознавая подобные последствия, ставится перед необходимостью либо применить норму вопреки убежденности в ее несоответствии Конституции РФ, либо отказать от ее применения при отсутствии для этого формально-юридических оснований.

В-четвертых, конституционно оправданная ориентация судебной политики на развитие, расширение объема использования третейского разбирательства предполагает необходимость укрепления статусных характеристик третейских судов, в том числе как субъектов, обеспечивающих в рамках предоставленной им сферы автономии поддержание режима конституционности правоприменения. Вовлечение

третейских судов в участие в осуществлении конституционного правосудия, в том числе на началах обязательности, служило бы, между прочим, существенным фактором опровержения идеологии о третействе как некоей «самовластной» юрисдикции, ставящей в конечном итоге под сомнение правовой суверенитет государства через отказ от конституционного нормоконтроля²⁷.

Вместе с тем обеспечение конституционно-правового режима применения норм в ходе третейского разбирательства и надлежащего уровня защиты конституционных прав участников третейской процедуры может достигаться также на основе понимания третейского дела как «конкретного дела» в смысле критериев допустимости конституционной жалобы, установленных в ст. 96 и 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Признание права стороны третейского разбирательства на инициирование конституционно-судебного контроля в связи с нарушением конституционных прав применением нормы закона в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в третейском суде, соотносится с пониманием характера нарушений, возникающих при применении конституционно-дефектной нормы, как не согласующихся с основами публичного порядка, ставящих под сомнение правомерность решения третейского суда.

Таким образом, представляется, что духу и смыслу ст. 125 Конституции РФ, учреждающей Конституционный Суд РФ для защиты прав и свобод в их сопряжении с основами конституционного строя, соответствует как наделение третейских судов, наравне с государственными судами, правом на подачу запроса в Конституционный Суд РФ, если третейский суд придет к убеждению, что подлежащая применению норма закона нарушает конституционные права или иным образом расходится с требованиями Конституции РФ, так и признание права стороны третейского разбирательства, не прибегая к обычным формам государственного судопроизводства, обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав, если решение третейского суда является окончательным.

²⁷ Красс В. И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 87.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балеевских Л. С.* Третейский суд как заявитель в Конституционном Суде России // Третейский суд. — 2014. — № 6.
2. *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. — 2-е изд., перераб. — М., 2015.
3. *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. — М. : Норма, 2011.
4. *Крусс В. И.* Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. — 2013. — № 3.
5. *Курочкин С. А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. — М. : Статут, 2017.
6. *Миряшева Е. В., Павликов С. Г., Сафонов В. Е.* Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность : монография. — М. : Российский государственный университет правосудия, 2015.
7. *Никитин С. В.* Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. — 2014. — № 1.
8. *Никитин С. В.* Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. — М. : Юрайт, 2018.
9. *Орлова К. А.* Теоретико-правовые аспекты статуса судьи как субъекта права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2017.
10. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — 3-е изд., стереотип. — М., 2001.
11. *Ясус М. В.* Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 1.

Материал поступил в редакцию 4 июня 2018 г.

ARBITRATION AND COMPLIANCE VERIFICATION

BENEDSKAYA Olga Aleksandrovna, Attorney, Senior Associate of Muranov, Chernyakov & Partners law firm, presenter at the International Commercial Arbitration Court and the Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
o.benedskaya@rospravo.ru
119991, Russia, Moscow, ul. Denisovskiy per., d. 23, str. 6

Abstract. *The article is devoted to the analysis of arbitration proceedings in the context of its participation in the implementation of judicial regulatory compliance verification. The fact that the arbitration court is bound by the requirement of legality and the need to implement casual regulatory control in accordance with the existing conflict of laws rules is substantiated based on the idea of the universal nature of the constitutional imperative of the rule of law and the Constitution of the Russian Federation and the understanding of the threefold nature of the arbitration court that combines social and jurisdictional, self-regulatory (law-forming) and mediation (conciliation) principles. At the same time, the legal nature of the arbitration proceedings should, in the author's opinion, be disclosed not in a formal dogmatic manner or through commitment to the requirements of legal discipline as strict as in the state court, but on the basis of judicial activism and development of law in the context of social and business practice. The arbitration court may act contra legem to enhance the protection of the rights of the parties to the proceedings based on general, constitutional and sectoral principles of law. Faced with the applicable rule that violates the Constitution of the Russian Federation, the arbitration court must have the right to request the Constitutional Court of the Russian Federation (also in the form of a request obligation, if the decision of the arbitration court is final).*

Keywords: *arbitration court, justice, legality, constitutionality, interpretation, law formation, customs, traditions, regulation, constitutional justice, judicial constitutionalism.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baleevskih L. S. Tretejskij sud kak zayavitel' v Konstitucionnom Sude Rossii // Tretejskij sud. — 2014. — № 6.
2. Bondar' N. S. Sudebnyj konstitucionalizm: doktrina i praktika. — 2-e izd, pererab. — M., 2015.
3. Zor'kin V. D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. — M. : Norma, 2011.
4. Kruss V. I. Konstitucionalizaciya pravosudiya i konstitucionno-pravovye predely neposredstvennoj demokratii v Rossijskoj Federacii // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2013. — № 3.
5. Kurochkin S. A. Tretejskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh. — M. : Statut, 2017.
6. Miryasheva E. V., Pavlikov S. G., Safonov V. E. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v Rossii i zarubezhnyh stranah: istoriya i sovremennost' : monografiya. — M. : Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2015.
7. Nikitin S. V. Kosvennyj sudebnyj normokontrol': ponyatie i problemy realizacii // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. — № 1.
8. Nikitin S. V. Sudebnyj kontrol' za zakonnost'yu normativnyh pravovyh aktov : ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury. — M. : Yurajt, 2018.
9. Orlova K. A. Teoretiko-pravovye aspekty statusa sud'i kak sub»ekta prava : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Kaliningrad, 2017.
10. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — 3-e izd., stereotip. — M., 2001.
11. Yasus M. V. Voprosy ekonomicheskoy effektivnosti novogo zakonodatel'stva ob arbitrazhe v Rossii // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. — 2017. — № 1.